

С. В. Франц,
доцент каф. философии
Юридического института МВД РФ
(г. Екатеринбург)

**«РЕЛИГИОЗНЫЙ» МАРКСИЗМ: ИДЕЯ УНИВЕРСАЛЬНЫХ
ЦЕННОСТЕЙ В ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ
А. В. ЛУНАЧАРСКОГО**

Проблема толерантности для современной отечественной философии — явление новое, хотя сама толерантность, понимаемая как «терпимость», свойственна российскому христианизированному самосознанию. Русская религиозная философия (А. С. Хомяков, Вл. Соловьев, Л. Толстой и др.) была выражением метафизики толерантности, осуществляла социокультурный синтез гуманистических идей. Возникновение новых направлений в философской мысли начала XX в., попытки их синтеза, предпринятые отдельными мыслителями, — отражение процесса мирного, терпимого «сосуществования» плюралистических идей. Многих марксистов (Г. В. Плеханова, А. А. Богданова и др.) можно считать сторонниками толерантного подхода к осмыслению философских и политических идей. Анатолий Васильевич Луначарский, один из плеяды ленинцев, был, несомненно, в числе последних. Богостроительство, марксизм, эмпириокритицизм, философия жизни — все современные философские направления были творчески переработаны им и синтезированы в оригинальное учение. Попытки подобного синтеза зафиксированы в работах, относящихся к первым литературным прозам («Религиозные эскизы. Опыты сердца, мысли и пера...»), а также в реферате «Идеализм и марксизм» (1898 г.).

Больше всего в учении Маркса его привлекали гуманистические представления о социальной справедливости, идеи о всемирно-исторической роли пролетариата, что во многом было продиктовано интересом к духовно-эмоциональной сфере человеческой деятельности. В письме Аксельрода к Плеханову, датированном февралем 1898 г., говорится о Луначарском-революционере и о том, что привело его к социализму: «...подтверждение своим затаенным в глубине души мечтаниям и верованиям он нашел в «Zur kritik» («К критике политической экономии») К. Маркса и в статье Г. Плеханова «К 60-летию со дня смерти Гегеля»... он черпал «пищу для этой «веры» в

дарвинизме», в сочинениях В. Г. Белинского, проникнутых «глубоким, страстным энтузиазмом к прогрессу, к идее окончательного торжества духа над грубой материей, сознательности над мрачным царством бессознательности... Среди них был Л. Фейербах, у которого понимание религии как проецирования человеком на бога своих желаний выразилось в «Сущности христианства». Оно оказало влияние в том смысле, что Луначарскому представлялась близкой и направленной, и связь этой идеи у философа-материалиста, предшественника марксизма, с собственными философскими поисками»¹⁵².

В марксизме Луначарский увидел научно обоснованную веру в возможность трудового построения справедливого общества свободных, равных и братских народов. Веру без бога и мистики. В письме «Несколько слов о моем «богостроительстве» он даже дал пояснения на этот счет: «Мне никогда не приходило в голову окрестить воззрения, высказанные в моих статьях и книге, «богостроительством»... Термин этот, если употребляется, то исключительно в переносном смысле... Я считаю, что, оговорив несколько раз самым решительным образом: социализм есть особого рода религия — без бога, потустороннего мира, не содержащая в себе вообще ни грамма мистики и метафизики, — я обезопасил себя от всякого нелепого смешения социализма как религии с другими, отжившими или отживающими формами мышления и чувствования...»¹⁵³.

Луначарский создал свою революционную поэтику (прибегнув к категориям «красота», «благо», «блаженство», «мощь», «преданность общему делу»...), осветив ее светом христианской веры и альтруизма для того, чтобы лучше выразить эстетику марксизма (его идеал, возвышенность цели, понимание прекрасного, истинного...). Интересен тот факт, что Маркс и Энгельс в свое время не избежали такого же искушения и прибегли «к использованию форм религиозной поэтики и литературы с целью внедрения в жизнь своего учения. Следует напомнить, например, что первоначально пропаганда марксизма началась со следующего эпиграфа к «Манифесту Ком-

¹⁵² Агиевич В. В. «Опыты сердца, мысли и пера». Эволюция философских взглядов А. В. Луначарского до 1908 года. Минск, 1991. С. 91.

¹⁵³ Луначарский А. В. Несколько слов о моем «богостроительстве» // Ко всем товарищам. Париж, 1909. С. 7—8.

мунистической партии»: «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма». Для педанта-атеиста призрак — элемент религиозного сознания, причем даже не монотеистического, а языческого. Текст «Манифеста» трижды переписывался на-ново, отдельные страницы — множество раз, фразы шлифовались, однако «язычество» в виде призрака коммунизма оставалось. Более того, первоначально сам текст «Манифеста» был задуман в форме катехизиса, от которой по предложению Ф. Энгельса авторы отказались. Да и «Капитал» именовался Библией рабочего класса. Вообще использование форм и образов религиозной литературы не мешало передаче нового, в том числе и философского, содержания революционного учения — невозможно обойтись без старых форм при появлении и утверждении нового содержания, о чем твердят азы диалектики»¹⁵⁴.

Луначарский также пытался в религиозной форме передать учение Маркса пролетариату, создав «новую религию» рабочего класса. Более всего его интересовала та сторона марксистского мирозерцания, которая была направлена к чувству пролетария и способствовала духовному прогрессу всего человечества, что было невозможно как без теоретического обоснования общественного переустройства, так и его осуществления на практике. Поддерживая марксизм в целом, Луначарский основное внимание уделил разработке концепции личности, сосредоточившись на эстетической и этической проработке вопросов.

Христианский гуманизм, положенный в основу взглядов Луначарского, не стал, однако, очевидным объединяющим началом для всех марксистов. Большевикам во главе с В. И. Лениным эта социокультурная ценность вообще была чужда. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» возмущался: «Луначарский договорился до «обоожествления высших человеческих потенций», до «религиозного атеизма»¹⁵⁵, до выражений типа «давно зреет во мне новая религия». Более всего Ленина волновала толерантность русских махистов (к числу которых принадлежал Луначарский) по отношению к религии, которая ассоциировалась им с буржуазным мировоззрением: «...русские махисты неверно осведомили публи-

¹⁵⁴ Агиевич В. В. «Опыты...». С. 93.

¹⁵⁵ Указ. произв. // Полн. собр. соч. М., 1961. Т. 18. С. 165.

ку насчет всего махистского течения в Европе и отношения этого течения к религии. Не только нет в этом отношении ничего подобного отношению Маркса, Энгельса, И. Дицгена, даже Фейербаха, а есть прямо обратное, начиная с заявлений Петцольдта: эмпириокритицизм «не противоречит ни теизму, ни атеизму»... или Маха — «религиозные мнения частное дело»... и кончая прямым фидеизмом, прямым черносотенством и Корнелиуса, который расхваливает Маха и которого расхваливает Мах, и Каруса, и всех имманентов. Нейтральность философа в этом вопросе уже есть лакейство перед фидеизмом»¹⁵⁶.

Луначарский же в силу своего чувства не видел идеологического подвоха. «В новом мировоззрении ему послышался «...целый гимн социализму, революции, марксизму, гимн, пронизанный лучами самого возвышенного идеализма... Он говорил, что «преклонение перед мыслью, сознанием, духом достигает... степени фанатизма или энтузиазма», и все это называл религиозным чувством»¹⁵⁷. Стало быть, силу своих убеждений в марксизме Луначарский считал религиозной, а не сами убеждения.

В своих работах Луначарский говорил о законосообразности явлений, настаивал на необходимости монистического метода (который называл, вслед за социал-демократами, «историко-материалистическим»), занимался не просто вопросами эстетики, а (подобно Авенариусу) их биологической интерпретацией, стоял на эволюционистской позиции в отношении научного и социального развития, придерживался взглядов Маха, Авенариуса, Маркса, Энгельса, Ницше, Фейербаха и т. д.

Луначарский уделял много внимания в своих работах учениям последних двух философов, их взгляды стали базовыми для его теоретических выводов. Понятие *taximum*'а жизни Ницше, антропологический принцип Фейербаха, теория эволюции Дарвина соединились в работах Луначарского с марксовыми представлениями об общественном идеале, с его экономической теорией. Однако Луначарский сосредоточил свое внимание на человеческой стороне всех используемых им учений. Возможно, именно поэтому он обратился к религиоз-

¹⁵⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 365.

¹⁵⁷ Цит. по: Агивич В. В. «Опыты...» С. 90.

ной доктрине как наиболее гуманной из всех имеющихся философских систем. «Философия сначала вырабатывается в пределах религиозной формы сознания и этим, с одной стороны, уничтожает религию как таковую, а с другой стороны, по своему положительному содержанию сама движется еще только в этой идеализированной, переведенной на язык мыслей религиозной сфере»¹⁵⁸. Луначарский считал, что новая философская система — марксизм — складывалась по законам религиозной романтики: «Социал-демократизм тоже далеко не система знаний и только, он тоже настроение, полное надежды, радостей, боевого подъема, готовности на жертвы... Это было религией, но не религией попов, а религией человечества. Это была вера в победу добра и идеи»¹⁵⁹.

Луначарский изначально определил место марксизма в ряду других религиозных систем: «...как отражение в уме, чувстве и деятельности индивида великого процесса освобождения человечества — научный социализм есть новая и наивысшая форма религии; как представление о мире, как наука — научный социализм не имеет ничего общего ни с одной из прежних форм религии»¹⁶⁰. Научный социализм был для него «синтетической философией, гармонически соединившей идеал и практику, реалистически и революционно увенчавшей собою грандиозный, глубоко волнующий душу порыв мысли учителей Маркса — великих немецких идеалистов»¹⁶¹. Это в теории, а в революционной практике у Маркса и Энгельса гениальных предшественников не было. Связующим звеном между теорией и практикой Луначарский посчитал оценку, которая для основателей марксизма была задачей второстепенной. Для него же было очевидно, что «из познания оценки вытекает действие»¹⁶², поэтому эстетика стала для Луначарского тем духовно-практическим руслом, по которому религия вошла в жизнь пролетариата, стала связующим звеном между теорией и практикой, идеалом и его воплощением.

Помимо всего прочего Луначарский усматривал в религии смыслосозидающую ценность, которая «корреспондирует со

¹⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. 1. С. 23.

¹⁵⁹ Там же. С. 37.

¹⁶⁰ Там же. С. 36.

¹⁶¹ Луначарский А. В. Религия и социализм. Ч. 1. СПб., 1908. С. 9.

¹⁶² Там же. С. 10.

всеми остальными видами ценностей в космосе... Мысли она дарит веру в мировой смысл... Жизненная уверенность человека в мире, как таковом, также и ее дело»¹⁶³. В научном социализме, говорил Луначарский, «уверенность человека в мире» и становится «удесятеренной», и превращается в ницшеанскую веру в человека и его способность «не искать смысла мира, а дать миру смысл. А это значит — подчинить мир духу в его конкретной форме человеческого общества...»¹⁶⁴. Так мысль Луначарского двигалась от религиозного теоцентризма через эгоцентризм Ницше и антропоцентризм Фейербаха к социоцентризму марксистов. Стремление к осмысленности бытия, сохраняемое религиозным чувством, превратилось в социализме в феномен социальной креативности. Поэтому научный коммунизм был близок Луначарскому, с одной стороны, возможностью социального творчества, с другой — верой в эту возможность. «Бог умер», — воскликнул Ницше. — «Выросший труд, вот богоубийца», — поддержал его Луначарский и добавил: «Но он же создатель новой религии, ибо он ставит целью победу над природой, устранение зла, торжество разума над стихийностью, вечно растущую мощь, непрерывное совершенствование вида, т. е. исполнение исконных желаний человека, и все это путем организации, захватывающей индивиды, связывающей их в пространстве и времени...

Примирение законов жизни и законов природы произойдет путем победы жизни при помощи познания и техники. Труд, широкая общественность, развитое чувство вида, надежда на непрерывный прогресс — вот то, что дает религиозное утешение в нашу эпоху. Таково второе решение религиозной проблемы»¹⁶⁵, — делал вывод Луначарский.

В своих философских привязанностях Луначарский выступал как материалист, позитивист и романтик революции. Он видел силы, способные к созидающей общественной деятельности, сам принимал активное участие в этом созидании, но прежде всего — как поэт и мифотворец. Луначарский был убежден, что «мифы старых религий, получая новый смысл в религии труда, могут войти... в поэзию новой религии»¹⁶⁶. Сочиняя новый социальный миф, Луначарский внедрял в созна-

¹⁶³ Луначарский А. В. Религия и социализм. Ч. 1. С. 46.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Там же. С. 94 — 95.

ние людей новую доктрину, по силе воздействия равную религиозной.

Хочется, однако, заметить, что теогония Луначарского была реалистичной и материалистичной для своего времени, так как идеологемы еще только вырабатывались, а ближайшие задачи были конкретными: «...борясь против капитала, социал-демократия в то же время признает путь капиталистического развития единственно мыслимым, единственным, ведущим к «спасению». И это так важно, как важнее быть не может. Ибо вне этого научного анализа истинных путей развития нас ждет безбрежное море утопической мечтательности, склонной иногда ставить э т и к у выше к у л ь т у р ы, что возвращает нас к былым блужданиям»¹⁶⁷. Поэтому строительство социалистической культуры стало для Луначарского делом номер один.

Дополнив философию марксизма учением о ценностях, почерпнутых из христианской этики, Луначарский задал ей гуманистический вектор. Гуманистическая составляющая марксизма Луначарского, как и сама идея «терпимого» сосуществования идей, позволяют нам говорить о толерантном характере его философии.

Кроме того, социализм трактовался Луначарским в его идейной сущности не только как определенное мировоззрение, но и как философия жизни. С одной стороны, он представлялся философу как «социологическая и философская доктрина», с другой стороны — как «фактическая попытка реализации идей». Организационная теория (сформулированная, кстати, еще одним сторонником эмпириокритицизма, А. Богдановым) была детерминирована как марксизмом, так и позитивизмом. В соответствии с ней декларируемые политические идеи должны были воплощаться в жизнь. Подобными убеждениями объясняется активная деятельность Луначарского в составе советского правительства: здесь и попытки внедрения в педагогику новых образовательных программ (идея политехнического образования), и содействие превращению литературы в идеологическое оружие (вклад в развитие концепции социалистического реализма), и создание новой системы духовных ценностей строителя коммунизма. Даже,

¹⁶⁶ Луначарский А. В. Религия и социализм. Ч. 1. С. 96.

¹⁶⁷ Там же.

казалось бы, дело «второстепенной важности» (образовательную политику) Луначарский попытался превратить в центральную проблему в построении нового общества. Попытки Луначарского «достроить» марксизм передовыми философскими идеями, вычленив в нем универсальные ценности, применить их для создания новой национальной культуры — демонстрация действенности принципа толерантности (т. е. обращения с ценностями).

Следовательно, утверждение в рамках марксизма универсальных ценностей и основополагающих принципов, позволивших превратить толерантность в руководящий методологический организационный принцип, — еще одна заслуга Луначарского.